

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Клинко М.М. Профессор И. М. Шаден в персональном ракурсе // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.1.71905 EDN: RZFRVF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71905

Профессор И. М. Шаден в персональном ракурсе

Клинко Михаил-Валерий Михайлович

аспирант; кафедра истории России до начала XIX века; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4

✉ vosmik@mail.ru

[Статья из рубрики "Личность в истории"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.1.71905

EDN:

RZFRVF

Дата направления статьи в редакцию:

07-10-2024

Аннотация: Предметом статьи выступают личные взаимоотношения и модели поведения немецкого профессора Московского университета Иоганна Маттиаса Шадена (1731–1797). Целью статьи является реконструкция жизненных реалий и социальных связей Шадена. Выпускник Тюбингенского университета, Шаден прибыл в Московский университет на заре его существования и прослужил ему более сорока лет, вначале как ректор гимназий, а затем как университетский профессор. В университете Шаден ревностно и ответственно исполнял свои обязанности, но отличался вспыльчивым характером, что в начале службы вылилось в конфронтацию с его идейными оппонентами. При этом Шаден достаточно активно участвовал в университетских процессах. Свободное от службы время профессор проводил в Немецкой слободе, районе Москвы, где исторически преобладали иноземцы. Данное исследование основано на принципе историзма и изучении письменных источников: делопроизводственных материалов, эпистолярных источников, воспоминаний современников. Впервые в научный оборот вводятся два письма, имеющие прямое отношение к немецкому профессору. Анализ деятельности и досуга Шадена позволяет прийти к следующим выводам: во-первых, контраст неприглядного поведения Шадена,

описанного враждовавшими с ним коллегами, и образа жизни педантичного профессора, приведённого одним из его учеников, позволяет выдвинуть предположение о возрастном факторе: в молодости Шаден мог вести себя более непринуждённо, нежели в зрелости. Во-вторых, в служебных отношениях Шаден не делил коллег на русских и немцев, а выстраивал отношения с ними, исходя из собственных убеждений и блага университета. Внеслужебные же отношения профессор предпочитал выстраивать со своими земляками, чем и был обусловлен его выбор в пользу Немецкой слободы. И в-третьих, Шаден вступал в контакты с такими же учёными немцами в Москве, как и он сам, и стремился пользоваться этими знакомствами как в академических, так и в личных целях.

Ключевые слова:

Иоганн Маттиас Шаден, Московский университет, университетские гимназии, немцы в России, Немецкая слобода, служба, взаимоотношения, модели поведения, письма, личные связи

Профессор Иоганн Маттиас Шаден (1731–1797) был одним из первых немецких учёных, вызванных в только что основанный Московский университет. Уроженец Пресбурга (Братиславы) и доктор философии Тюбингенского университета, Шаден прибыл в Москву в 1756 г. и вначале служил ректором университетских гимназий, а также возглавлял высший класс, где ученики «совершенствовались в латинском языке». В 1760 г. Шаден был произведён в экстраординарные профессора Императорского Московского университета, а в 1764 г. – в ординарные профессора, когда после ухода профессора Фроммана принял курс логики, метафизики и нравоучения. В 1771 г. он занял кафедру практической философии, а в 1772 г. сложил с себя ректорские полномочия. В дальнейшем Шаден стал преподавать «практическую философию и эстетику, естественное и народное право, политику и сокращённую общую историю всех нравственных наук» [\[1, с. 294-295\]](#). С 1788 г. ввиду нехватки преподавателей он перенёс свои лекции с философского на юридический факультет [\[2, с. 176\]](#), где и служил до своей смерти. В 1770–1790-е гг. Шаден также содержал в своём доме частный пансион, обучение в котором проходили, в частности, будущий енисейский и саратовский губернатор А. П. Степанов и будущий российский литератор и историк Н. М. Карамзин.

Личность и деятельность Шадена рассматривались исследователями в различных аспектах: как члена университетской профессорской корпорации [\[3; 4, с. 22-25, 42-44\]](#), как преподавателя философии и логики с учётом присущих ему философских взглядов [\[5, с. 171-178; 6\]](#), в качестве ректора университетских гимназий [\[7, с. 24-31; 8, с. 69-70\]](#). Особое внимание уделялось роли Шадена в обучении и становлении Карамзина [\[9, с. 103-105; 10; 11\]](#). Если учёный и педагогический талант Шадена в целом не был обойдён вниманием, то его персональный ракурс представлен в исследованиях достаточно слабо. Одним из немногих исключений является статья И. Б. Томан, в которой рассматривается отношение немецкого профессора к рабству [\[12\]](#). Поэтому представляется уместной попытка изучить персональные взаимоотношения Шадена с коллегами и с людьми вне службы, реконструировать его модели поведения.

Как указывал профессор Московского университета XIX в. С. П. Шевырев, «неутомимое исполнение всех обязанностей было главною чертою Шадена», при этом «в частных

сншениях он подвергался порицаниям за излишнюю горячность характера и порывы гнева» [3, с. 32]. Это проявилось уже в первые годы его службы: из Германии Шаден приехал ярким противником языковых и литературных воззрений лейпцигского писателя И. К. Готшета и был готов отстаивать эту позицию. В июне 1758 г. профессор юридического факультета Ф. Г. Дильтей неодобрительно замечал, что Шаден придрался к З. А. Линбергу, учителю немецкого языка в университетской гимназии, из-за того, что тот «подражает Готшеду» [13, с. 260]. Когда в июле 1757 г. в Москву на службу в гимназию прибыли ученики Готшета Х. Г. Кёльнер и И. Г. Рейхель, ректор Шаден стал всячески усложнять им жизнь, возлагая на них обременительные обязанности и выражая им своё неуважение. Рейхель и Кёльнер искали заступничества у академика Г. Ф. Миллера, который был давно знаком с Готшедом, и не скупился на нелестные характеристики Шадена. Так, Рейхель в письме от 23 марта 1761 г. описывал ректора гимназий следующим образом: «Такой распутный малый, который целует в Слободе всем жёнам портным и сапожникам руки, играет и таскается со всеми подмастерьями ремесленников и за трубку табака делает из себя посмешище» [5, с. 173-174]. Кёльнер же в письме от 6 августа 1758 г. обвинял Шадена в том, что тот «...в попойках с портными из Немецкой слободы на карачках брался; <....> в доме нашем непотребных баб искал и даже предлагал нам за деньги хозяйку; <....> напоследок, многим питием отягощённый, в бытность мою пришёл в комнату господина Рейхеля и таким образом себя повёл, что свечью мог обоям и висевшим на оных ландкартам великий ущерб причинить» [13, с. 269]. А через месяц Кёльнер пообещал Миллеру исправно исполнять свои обязанности и равнодушно относиться к ректору, выразив пожелание, чтобы все враги профессора Готшета стали подобны Шадену, поскольку Готшед, по его мнению, от этого только выиграл бы [13, с. 280-281].

Эти описания, приведённые в конце 1750-х – начале 1760-х гг., удивительно контрастируют с образом Шадена 1790-х гг., запечатлённым в отзыве его студента и будущего профессора Харьковского университета И. Ф. Тимковского: «Его карета и зимний возок были так уравнены с парю вороных, что редко и пятью минутами опаздывали. Дома всегда он был занят в своём кабинете с большою, на две комнаты, отборною библиотекою <...>. Жизнь вёл однообразную, трезвую, правильную. В самом одеянии его едва приметны были перемены, кроме шёлковых, глазетных и парчевых камзолов». В обществе Шадена уважали, но появлялся он в нём редко, «и то больше по дружбе», прежде всего у графа Ф. А. Остермана [14, с. 25-26].

Вряд ли есть смысл говорить о двух разных «Шаденах». Всё же Рейхель и Кёльнер по понятным причинам относились к Шадену с глубокой неприязнью, поэтому в их словах нельзя полностью исключать некоторое приукрашивание реальности. К тому же, их письма с подобными характеристиками охватывают, как говорилось выше, лишь конец 1750-х – начало 1760-х гг. В связи с этим, по нашему предположению, не стоит исключать и своего рода «фактор молодости» Шадена, когда он мог позволить себе в известной степени неприглядное поведение. Ведя речь о характере Шадена, важно отметить, что отношения между ним и Рейхелем (Кёльнер умер в 1760 г.) впоследствии потеплели: в 1770 г. ректор гимназий в своей речи назвал Рейхеля «искренним другом и сотоварищем почтеннейшим» [15, с. 60, прим.]. Таким образом, Шадену наряду с горячностью были присущи и отходчивость, гибкость во взаимоотношениях.

Как в уничижительных описаниях Рейхеля и Кёльнера, так и в уважительных словах Тимковского можно выделить одну общую составляющую: расположенность Шадена к землякам. Представляется, что данная черта относится лишь к внеслужебному

времяпрепровождению Шадена, поскольку по службе выпускник Тюбингенского университета вполне мог успешно взаимодействовать как с немецкими, так и с российскими коллегами. Так, в 1758 г. Шаден вместе с Ф. Г. Дильтеем, И. Х. Керштенсом и И. Г. Фромманом отклонил предложение профессора Н. Н. Поповского читать курс философии на русском языке для некоторых студентов из опасения, «как бы лёгкость слушания философических лекций на русском языке не привлекла всех других учеников и не отвратила бы их от занятий латинским языком» [16, с. 135] (в представлении немецких учёных XVIII в., «чтение лекций на латыни было одной из академических практик, владение латынью – нормой, гарантией коммуникабельности» [17, с. 42]). В то же время Шаден не сомневался в необходимости обучения «отечественному языку» в гимназиях: в 1768 г. он вместе с инспектором А. А. Барсовым просил университетскую Конференцию о назначении учителей русского языка, которых оба профессора сочли компетентными для данной должности [18, с. 158-159]. Как ректор, Шаден срабатывался практически с любым профессором-инспектором гимназий, будь то Дильтей, Фромман, Керштенс или Барсов. Исключением, пожалуй, служил Поповский, тяготившийся этой должностью и потому пробывший на ней совсем недолго [16, с. 137-138]. Тандем ректора и инспектора осуществлял надзор за учениками и учителями, выдачу аттестатов, обеспечение классов необходимыми учебными материалами, контроль над проведением экзаменов и т.п. Протоколы Конференции отражают включённость Шадена в этот процесс, его стремление обеспечить порядок в гимназической работе [16, с. 151, 160, 164; 19, с. 95, 158, 177-178, 271; 18, с. 145-146, 172-174, 198]. В 1769 г. все немецкие члены Конференции, а также профессор Барсов, подвергли критике диссертацию магистра Д. С. Аничкова «О начале и происхождении натуральной религии», которую можно было интерпретировать в духе атеизма. Их критика обосновывалась тем, что от подобных мнений «может произойти что-либо в предосуждение и позор для университета» [18, с. 219-220]. В 1782 г. Шаден и Барсов совместными усилиями добились увольнения профессора-масона И. Г. Шварца, поскольку оба были несогласны с его радикальными религиозными взглядами и опасались их пагубного влияния на неокрепшие умы студентов [20, с. 210]. А в 1795 г. Шаден в составе Конференции (вместе с профессорами Х. А. Чеботарёвым, П. И. Страховым, С. Г. Зыбелиным и др.) принял непосредственное участие в инициированном московским митрополитом Платоном «деле Мельмана»: И. В. Л. Мельман был немецким профессором Московского университета и последователем И. Канта, позволившем себе неосторожные высказывания в отношении христианства [21, с. 88-92, 95-98]. Не стоит забывать и о конфликте Шадена с последователями Готшета в гимназии. Таким образом, не национальность, а служебный долг и личные взгляды определяли взаимоотношения Шадена с коллегами.

Внеслужебное же время Шаден проводил в Немецкой слободе: его домовладение располагалось на пересечении Большой (Немецкой) улицы и Бригадирского переулка [22]. Известно, что он был прихожанином находившейся неподалёку кирхи св. Михаила [9, с. 103]. Определённый «демократизм» молодого Шадена к ремесленному люду Немецкой слободы коррелирует с предпочтением зрелым Шаденом общества графа Ф. А. Остермана, сына знаменитого сподвижника Петра I. Супругой Шадена также была немка, Анна Христиановна, пережившая своего мужа на пятнадцать лет [13, с. 763]. А обучавшегося в домашнем пансионе профессора юного Карамзина Шаден водил «с собою к знакомым иностранцам», дабы тот мог поупражняться в немецком и французском языках [23, с. 18]. Из этих данных следует, что в частных контактах немец и лютеранин Шаден предпочитал близкую себе культурно-языковую среду.

Сведений о личной корреспонденции Шадена на данный момент почти не выявлено. Единственными исключениями служат два письма: письмо Шадена академику Герарду Фридриху Миллеру, хранящееся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), и адресованное Шадену письмо врача и директора Медицинской канцелярии Иоганна Якоба Лерхе, находящееся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Представляется, что они позволят несколько приблизить персональный ракурс немецкого профессора.

Начнём с письма Шадена, обнаруженного в т.н. «Портфелях Миллера».

Hiermit habe ich die von Euer Hochwohlgebohrnen die mir geliehenen Schriften mit vielem Dank ebenda zurückzustellen, mich Dero Gewogenheit zu empfehlen und mit aller Hochachtung zu seyn.

Eurer Hochwohlgebohrnen

ergebenster Diener

J.M. Schaden

vom Hause

d. 14. Marz. 1774

Сим я обязуюсь с большой благодарностью там же вернуть одолженные мне Вашим Благородием сочинения, препоручить себя в благосклонность Вашу и пребывать со всем почтением.

Вашего Благородия

преданнейший слуга

И.М. Шаден

из дома

14 марта 1774 [\[24\]](#)

(Перевод наш)

В 1770-х гг. и Шаден, и Миллер пребывали в Москве: профессор продолжал исполнять университетскую службу и содержал домашний пансион, а академик вёл исторические изыскания, пользуясь близостью к значимым архивам [\[25, с. 25-28\]](#). Оба деятеля являлись членами Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете [\[26, Список\]](#). Посему академик и профессор виделись друг с другом лично. Вероятно, в ходе одной из встреч Миллер одолжил Шадену какие-то собственные материалы, в ответ на что Шаден и составил вышеприведённое письмо-расписку. «Сочинения» могли являть собой как печатный труд, так и рукописи. Очевидно, они были необходимы профессору либо для подготовки к университетским лекциям, либо для занятий в своём пансионе, потому он и обратился к академику.

Не зная сути упомянутых в письме «сочинений», важно отметить сам факт коммуникации двух немецких учёных в Москве второй половины XVIII в. Уместно вспомнить о роли интеллектуальных сообществ, поскольку «творчество мыслителя является результатом

его прошлых сетевых взаимодействий» [\[27, с. 9\]](#). Связь с Миллером давала Шадену возможность – как следует из письма-расписки – знакомиться с научными материалами академика и получать с их помощью релевантные знания.

Сохранившиеся тома переписки Лерхе примечательны тем, что доктор составлял их для себя: данные тексты представляют собой, по-видимому, лишь «краткое изложение» отправленных писем, написаны достаточно небрежно, «изобилуют сокращениями» и не имеют таких обязательных для переписки деталей, как обращение или прощание [\[28\]](#). Далее приведён текст актуального для нас письма.

An Prof. Schaden in Mosc. d. 22. 8br.

Mit meiner Gesundh. steht es Gott lob! ietzt viel beßer, daß ich fahren und ausgehen, aber noch in großer Schwachheit. Der Leib bleibt hart, die Engbrüstigkeit ist merklich, das Gedächtniß nimt ab, das Gehör ist schwehr. Zudem sezen mich Ohnmachten u. Schwindel heftig zu, davon ich 3 mal gefallen und mir den Kopf blutig geschlagen. — Sie bitten für ihren Bruder, daß er als Chirurgus bey dem Neuen Bürger-Hospital möchte placirt werden. Ich habe Hn. Lindemann gesprochen und inständigst ersucht, ihn dabey zubestellen: er machte viele Einwendungen, und sagte zuletzt, es sey ganz unmöglich, u. müßte ein mehr erfahrner Chirus dazukommen, u. wie ich bemerket, wird's wol Gebler seyn. Es thut mir recht leid, daß ich in dero Gesuch nicht beförderlich seyn können.

Проф. Шадену в Моск. 22 окт.

С моим здравием – хвала Богу! – дела теперь намного лучше, так что я снова [могу] ездить и выходить, но ещё с большой слабостью. Тело по-прежнему в затвердении, одышка приметна, память слабеет, слух затруднён. К тому ж меня сильно изводят обмороки и головокружения, от которых я трижды упал и разбил себе голову до крови. — Вы просите, чтобы вашего брата устроили хирургом в новый гражданский госпиталь. Я говорил с г-ном Линдеманом и истово упрасивал его пригласить: он заявил множество возражений и сказал наконец, что это совершенно невозможно, и прибыть должен более опытный хирург, и как я подметил, им, видимо, будет Геблер. Я право сожалею, что не могу быть полезен в вашей просьбе [\[29, л. 236 об. - 237\]](#).

(Перевод наш)

Доподлинно неизвестно, когда состоялось знакомство доктора Лерхе и профессора Шадена: жизнь Лерхе изобиловала путешествиями и различными назначениями. Следует предположить, что врач и профессор встретились друг с другом во время эпидемии чумы в Москве в 1770–1772 гг.: Лерхе прибыл в Москву в июле 1771 г. и оставался в городе до января 1772 г., принимая участие в борьбе с моровой язвой [\[30, с. 17, 23\]](#). Вероятно, знакомству врача и профессора поспособствовала не столько общая бедственная обстановка в Москве, сколько их языковая общность и принадлежность к учёным кругам. К слову, в 1729 г. в германских городах, а в 1731 г. и в Москве, Лерхе познакомился со многими «учёными и врачами» [\[30, с. 6\]](#).

Очевидно, приведённый текст являлся ответом на письмо Шадена, которое не сохранилось. Данное же письмо наводит на мысль об определённой расположенности доктора Лерхе к профессору Шадену: в первой части Лерхе достаточно ярко описывает собственные проблемы со здоровьем, приводя существенные детали – можно предположить, что в своём письме Шаден не ограничился лаконичным вопросом о самочувствии доктора, а осведомился и о каких-то подробностях. Во второй части Лерхе

говорит о невозможности выполнить просьбу Шадена и при этом выражает сожаление, подчёркивая искренние усилия, приложенные им в надежде удовлетворить просьбу профессора Московского университета.

Письмо Шадену было написано в 1775 г. или в 1776 г., когда Лерхе находился в Санкт-Петербурге. Очевидно, речь в тексте идёт об Обуховской больнице, основанной в 1779 г. в Петербурге для гражданского населения [\[31, с. 69\]](#). Судя по всему, во второй половине 1770-х гг. шёл поиск кадров для этого госпиталя, о чём Шаден знал и потому просил доктора Лерхе устроить на службу «брата», однако член Медицинской канцелярии Андрей Линдеман остановил свой выбор – как заметил Лерхе – на штаб-лекаре Михаиле Геблере, который был переведён в Обуховскую больницу из Адмиралтейского госпиталя в сентябре 1780 г. [\[32, с. 204\]](#). К сожалению, на текущий момент личность «брата» Шадена остаётся под покровом тайны: поиск по доступным матрикулам германских университетов пока не выявил студента с такой же фамилией, обучавшегося на медицинском факультете. Выражаем надежду, что в будущем данный вопрос будет прояснён. Здесь же следует предположить, что «брат» Шадена обучался лечебному делу приблизительно во второй половине 1760-х – первой половине 1770-х гг., что объясняет отсутствие у него, по мнению Линдемана, необходимого опыта для службы хирургом в «новом гражданском госпитале».

Вполне вероятно, что Шаден дорожил знакомством с доктором Лерхе именно из личных побуждений, будь то возможность получить врачебный совет или шанс обратиться непосредственно в Медицинскую канцелярию. Не вызывает сомнений и наличие у Шадена близкого человека, о перспективах которого профессор вполне искренне беспокоился. В завершение данного разбора важно подчеркнуть, что «самым конвертируемым капиталом» в России XVIII в. являлся «социальный капитал связей, обмена “родственными услугами” и знакомствами, которые порой имели решающее значение» [\[17, с. 12\]](#).

Выводы

В своих взаимоотношениях профессор Московского университета И. М. Шаден являл сочетание гибкости и твёрдости, смену моделей поведения. Если молодого Шадена кто-то мог упрекнуть в панибратстве, то в зрелые годы он предстаёт уединённым педантом. На университетской службе Шаден не проводил национальных разграничений, руководствуясь служебным долгом и собственными убеждениями. И если в частных моментах, таких, как идейные расхождения, он был способен на гибкость, то в главном пункте – служение Московскому университету и образованию в целом – профессор был твёрд и непреклонен. В свободное от службы время Шаден предпочитал находиться в среде таких же выходцев из немецких земель, как и он сам. Фрагментарные данные личной корреспонденции профессора позволяют заключить, что Шаден устанавливал связи с учёными немцами в России и мог пользоваться ими как для повышения своего академического уровня, так и для реализации социального капитала.

Библиография

1. История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века): сборник документов / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. Д.Н. Костышин; отв. ред. Е.Е. Рычаловский. Т. 2: 1756. М.: Academia, 2011. 374 с.
2. Иностранные профессора российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX вв.): биографический словарь / Под общ. ред. А.Ю. Андреева; сост. А.М. Феофанов. М.: РОССПЭН, 2011. 207 с.

3. Шевырев С.П. История Московского Университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором С. Шевыревым 1755–1855. М.: В Университетской Типографии, 1855. 584 с.
4. Петров Ф.А. Немецкие профессора в Московском университете. М.: Христианское издательство, 1997. 180 с.
5. Круглов А.Н. Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков. М.: Издательство «Канон+», 2009. 568 с.
6. Круглов А.Н. Преподавание логики в Императорском Московском университете XVIII века // Логико-философские штудии. 2020. Т. 18. № 2. С. 161-195.
7. Любжин А.И. Очерки по истории российского образования в императорскую эпоху. М.: Издательство Московского культурологического лица № 1310, 2000. 107 с.
8. Любжин А.И. Академические гимназии при Московском университете // Педагогика. 2002. № 4. С. 69-75.
9. Кара-Мурза А.А. Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // Филология: научные исследования. 2016. № 1. С. 101-105.
10. Чижков Н.С. Влияние Иоганна Матиаса Шадена на формирование мировоззрения Н.М. Карамзина // Полилог/Polylogos. 2019. Т. 3. № 4. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110008021-5-1>
11. Беспалова Е.К. Время обучения Николая Карамзина в московском пансионе И.М. Шадена // Карамзинский сборник. 2021. № 8. С. 21-34.
12. Томан И.Б. Свобода людям – от Бога (Иоган Шаден) // Modus Vivendi. 1996. № 16, 17.
13. История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века): сборник документов / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. Д.Н. Костышин; отв. ред. Е.Е. Рычаловский. Т. 4: 1758. М.: Academia, 2016. 1019 с.
14. Тимковский И.Ф. Памятник Ивану Ивановичу Шувалову, основателю и первому куратору Императорского Московского университета // Москвитянин. 1851. № 9, 10. С. 1-49.
15. Шаден И.М. Слово о праве обладателя в рассуждении воспитания и просвещения науками и художествами подданных. Пер. И. Грачевского. М.: Печатано при Императорском Московском университете, 1771. 112 с.
16. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / Подг. к печати Н.А. Пенчко. Т. 1. М.: Издательство Московского университета, 1960. 415 с.
17. Кулакова И.П. Протоколы конференции Московского университета второй половины XVIII века: история создания и использования. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. 48 с.
18. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / Подг. к печати Н.А. Пенчко. Т. 3. М.: Издательство Московского университета, 1963. 518 с.
19. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / Подг. к печати Н.А. Пенчко. Т. 2. М.: Издательство Московского университета, 1962. 356 с.
20. Университет для России: Взгляд на историю культуры XVIII столетия / Под ред. В.В. Пономаревой и Л.Б. Хорошиловой. М.: Русское слово, 1997. 350 с.
21. Дело о профессоре Московского университета И.В.Л. Мельманне // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. 1863, апрель-июнь. Кн. 2. Разд. 5. С. 86-120.
22. РГВИА. Ф. 846 (Военно-учёный архив). Д. 22175.
23. Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам

- современников. Материалы для биографии. С примечаниями и объяснениями М. Погодина. Ч. 1. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1866. 407 с.
24. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. П. 546. Ч. 9. Д. 15.
25. Илизаров С.С. Московский акцент. Г.Ф. Миллер и Москва XVIII века. М.: Издательство «Кучково поле», 2021. 496 с.
26. Опыт трудов Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете. Ч. 1. М.: Печатано при Императорском Московском университете, 1774. 248 с.
27. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1281 с.
28. Клейтман А. ЛЕРХЕ Иван Яковлевич (Lerche Johann Jakob) (1703–1780), врач, штатт-физик, директор Медицинской канцелярии, путешественник // Новая иллюстрированная электронная энциклопедия немцев России. URL: <https://enc.rusdeutsch.ru/articles/4207>
29. ОР РНБ. Ф. 431. Д. 10.
30. Тарасенко Е.Н. И.Я. Лерхе и его «История жизни и путешествий...» о Северном Приазовье в 1738–1739 гг. Нижневартонск: НВГУ, 2019. 118 с.
31. Блохина Н.Н. Санкт-Петербургская Обуховская городская больница в конце XVIII – начале XIX века // Клиническая медицина. 2011. № 1. С. 69–73.
32. Чистович Я.А. История первых медицинских школ в России. СПб.: Типография Якова Трея, 1883. 1040 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена биографии профессора Иоганна Маттиаса Шадена. Несмотря на то, что это был один из первых профессоров, приглашенных в Московский университет, и был ректором университетских гимназий, нельзя сказать, что его имя находится на слуху. Как справедливо отмечает автор, если академическая и педагогическая карьера Шадена изучены в историографии, то его биография представлена слабо, по этой причине выглядит обоснованным выбор аскета исследования — персональные взаимоотношения Шадена с коллегами и с людьми вне службы с целью реконструкции модели его поведения.

Статья написана на основании широкого круга источников: используются как опубликованные документы, так и отложившиеся в фондах Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военно-исторического архива, а также Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Крайне интересна введенная в статью в научный оборот переписка Шадена с Герхардом Фридрихом Миллером.

Биографический метод в статье применяется разумно и умело. Возможно, имело смысл сделать хотя бы одну отсылку к современным историографическим дискуссиям о роли биографии в исторической методологии (например, Биографический метод и его источники в исследованиях российской истории XVIII – начала XX в. / Отв. ред. А.Г.Голиков. – СПб: Алетей, 2021).

В статье показан весьма рельефный образ приглашенного немецкого профессора, который остаток личной и творческой жизни полностью посвятил России. Как замечает автор, профессор Шаден умел сочетать гибкость и твердость. Автор статьи убедительно показывает эволюцию личного образа, когда профессор стал уединенным педантом.

Несмотря на имевшие место конфликты, а иногда и кулуарную борьбу, в работе установлено, что на университетской службе Шаден не проводил национальных разграничений, руководствуясь служебным долгом и собственными убеждениями. Причем, Шадену удалось фактически создать собственный кружок немцев на русской службе, и в свободное от службы время Шаден предпочитал находиться в среде выходцев из немецких земель. Фрагментарные данные личной корреспонденции профессора позволяют заключить, что Шаден устанавливал связи с учёными немцами в России и мог пользоваться ими как для повышения своего академического уровня, так и для реализации социального капитала (пример переписки с Миллером в этом смысле показательный).

Работа отличается научной новизной. Стиль статьи – академический, структура – логичная, содержание отражает название и соответствует привлеченным историческим источникам.

Библиография весьма полная. Любопытно, что не привлечены исследования на немецком языке, в связи с чем возникает вопрос, известен ли Шаден на родине, отмечался ли его вклад в развитие Тюбингенского университета.

Выводы обоснованы, интерес читателей, увлеченных историей науки и университетской историей, обеспечен.